

ПОЭТ О ПОЭТЕ

Я ОЧЕНЬ лично воспринимаю строчку Г.Иванова: "...Как попарно когда ходили поэты".

И мы с Женей Винокуровым так ходили. Без цели, без маршрута ходились по Москве. Скажем, втроем ходить тоже можно, но уже ни поговорить толком, ни стихи друг другу почитать. Это уже не ходить, а идти куда-то.

Нас с Винокуровым многое связывало. Прежде всего мы были ровесники. В обычной жизни год-другой разницы ничего не значит. В войну — не то. Одновременность и одинаковость призыва создавали немало выходящих из этого особенностей, по-настоящему понятных лишь нам. Это было даже сильнее землячества. Недаром первый вопрос, которым обменивались солдаты, знакомясь в госпиталях, на пересыльных пунктах и формировках, был: "Ты с какого года?.." Ответил — и почти все ясно.

Винокуров окончил офицерское училище, вышел младшим лейтенантом. Я тоже был курсантом, но училище перестроили, и я, не получив звания, попал в воздушно-десантные войска. Казалось бы: между нами пропасть. Но нет, он в стихах тоже везде солдат или курсант. Это острее, трогательней. Он в душе психологически не успел стать полноценным офицером.

Среди "Биографических записей" Винокурова есть такая. Он прибывает в полк.

"Мы стояли навтыжку, пять стриженных наголо младших лейтенантов, свежих выпускников артиллерийского училища. На мне была очень широкая в ворот гимнастерка, толстая скрипящая негнушащаяся португеза, пустая кобура на боку, в каждый мой сапог могли бы войти вполне две мои ноги..."

Писарь, заполняя анкету, спросил: — Ваша фамилия, имя, отчество? Год рождения?

Я ответил. Стоял, задержав дыхание, по стойке "смирно". Писарь поднял голову: — Откуда прибыли?

Мрачный капитан с бакенбардами, прохаживающийся по комнате мимо невзрачного офицерского пополнения, с презрительной улыбкой, желчно ответил за меня:

— От мамы..."

Винокуров долгие годы жил на улице Веснина, между Сивцевым Вражком и Арбатом, — вместе с родителями, а потом еще и с женой и маленькой дочкой. Я множество раз бывал в их двух комнатах общей квартиры. Когда-то улица Веснина называлась Денежным переулком (сейчас, наверное, снова). Но они не были денежными людьми, хотя тогда, после войны, жили вполне сносно.

Мы с Женей учились в Литературном институте и постепенно обнаружили, что у нас немало общего в восприятии и понимании жизни, в оценках. Мы к тому же одновременно дебютировали в периодике, в один год вышли и наши первые книжки. Но при очевидной близости биографии и судьбы, а также неминуемой тематической схожести, в самом стихе мы были совершенно разными и понимали это. Однако нас долго называли только вместе. Критика не могла нас отделить друг от друга, как невнимательная мать, не умеющая отличить собственных близнецов. Впрочем, критика не была нам матерью, а мы, как уже сказано, никогда не были близнецами.

Я люблю многие стихи Винокурова. Они в большинстве написаны, как мы говорим, густо, — иными словами, насыщены деталями, подробностями, мыслью. Одно из сильных его качеств — недосказанность. Он блестяще владел всеми элементами стиха. Помню, как Смеляков восхищался его эпитетом:

*И я умру под горными камнями,
У звезд о стекленевших
на виду.*

А рифма! У Чиковани в стихотворении "Работа" (перевод Пастернака) есть удивительное наблюдение:

*Так проклятая рифма толкает
всегда
Говорить совершенно не то.*

Не следует думать, что верлибр в лучшем положении, поскольку его ничто не толкает. Фокус в другом: "рифма толкает" говорит не только "не то", но и то. Вот стихи Винокурова "Незабудки":

*В шинельке драной,
Без обуток
Я помню в поле мертвеца.
Толпа кровавых незабудок
Стояла около лица.*

К. ВАНШЕНКИН и Е. ВИНОКУРОВ. 1958 г.

*Мертвец лежал недвижно,
Глядя,
Как медлил коршун вдалеке...*

*И было выколото
"Надя"
На обескровленной руке.*

Внимательный читатель заметит безупречную рифму. Вокруг нее все и происходит. Но почему — "без обуток"? Мертвеца разули, сняли обувь. Скорее всего, хорошие, целые ботинки. Вряд ли сапоги. Ведь это солдат, — у офицера была бы не шинелька, а шинель, да и едва ли драная.

А "мертвец лежал недвижно..."? Это не нелепость, а потрясение увиденным. Это незащищенность мертвеца перед медлящим, осторожным коршуном. Наконец, женское имя "на обескровленной руке", — ведь незабудки у лица не бледно-голубенькие, а кровавые. И еще трагическая деталь: "Надя". Надежда! Смутно отзывается "слеза несбывшихся надежд" Исаковского.

Вот вам и "без обуток" — незауодок... Главный мотив тогдашнего Винокурова это пронзительнейшее юношеское ощущение обездоленности — красотой, женской лаской и любовью. Недоданности всего этого.

*Постойте! Я ведь не любил
На свете никогда!*

Характерно, что это чувство, порою скрыто, осталось в его стихах навсегда. Вспомните "Синеву", "Встречу на вокзале", "Ксению"... В последнем (что случается очень редко) речь идет о нем-офицере. И все равно та же щемящая задетость, жалость к себе. Но гораздо важнее здесь осознание того, что не только он не любил, но что и его самого никогда не любили. Жизнь заполнена другим — "Работа",

"Уголь", "Черный хлеб"... Потрясенный неожиданной встречей на перроне, он так описывает свою героиню:

*Шла она стороной,
В неуклюжей, нескладной,
По колени длинной,
Грузной стеганке ватной.*

*Неуклюжий наряд,
Неуклюжа фигура.
Только синим был взгляд
Да коса белокура!*

Поэт называет ее *незнакомкой!* Что это — влияние Блока, полемика с ним? Нет, это своя тоска по красоте. Это, если угодно, его философия, не рассуждения, а именно философия. К лучшим образцам его философской лирики я отношу и "Моя любимая стирала". Казалось бы, бытовая сценка, но в картине поражает не наблюдательность, а глубина. Это настоящий Винокуров.

Здесь не только фактические неточности (нужно бы: "кольцо запасного" и пр.), но сквозь авторские рекомендации проглядывает очевидная благодушная пародийность. Стихи об уходящей женщине оставляют впечатление гораздо большей жизненной катастрофы.

Чем очевиднее он приобретает свою неосознанную инерцию, тем труднее было от нее избавляться. Но он упорно это преодолевал. Вот он, Винокуров, пронзительный, раскованный:

*Я посетил тот город, где когда-то
Я женщину однажды полюбил.
Она была безмерно виновата
Передо мной. Ее я не забыл.*

*Вот дом ее. Мне говорят подробно,
Как осенью минувшей умерла...
Она была и ласкова и злобна,
Она была и лжива и мила.*

И Женя с Веснина

Вспоминая Евгения Винокурова

*...Я не решаю сложную задачу,
Глубинные загадки бытия.
Я ничего не знаю. Просто плачу.
Где все понять мне?
Просто плачу я.*

Здесь его интонация, вкус, естественность, даже корявость, без которой нет Винокурова.

ТЕПЕРЬ о нем самом. Он был настоящий московский парень, никого не боялся, готов был, защищая себя, поддаться на улице. Ездил на каток на Патриаршие пруды (по-московски — на "Патрихи"). Ему была свойственна замкнутость на себе. Даже эгоцентризм. У меня когда-то были две пожилые поклонницы, две сестры. Давние любительницы поэзии, они время от времени дарили мне потрясающие книжки, вышедшие еще в первые советские годы: "Костер" и посмертный сборник Гумилева "Стихотворения", "Белая стая" Ахматовой, "За струнной изгородью лиры" Северянина, "Демоны глухонемые" Володина... Представляете, чем это было в 50-е годы? Женя долго облизывался и однажды предложил мне познакомиться его со старушками. Я заинтересовался: "Зачем?" Он объяснил просто: "Для дела! Может, они и мне подарят".

Мой тесть был замечательным врачом. Один из спасенных им пациентов преподнес ему огромную редкость по тому времени — Библию издания 1910 года в роскошном кожаном переплете. Женя попросил ненадолго почитать — видно, хотел писать библейские стихи. Не отдавал книгу больше года, вернул с трудом, очень недовольный. Все это выглядело по-настоящему умильно.

В его стихах с самого начала присутствовала собственная интонация. Это как голос, с этим надо родиться. Выработанный годами вкус. Он был образован, начитан, но тоже со своим винокуровским упрямством. Не читал, например, "Мастера и Маргариту". На мой вопрос — почему? — ответил: "Ну вот я такой. Все читали, а я нет..."

Он был демобилизован после войны по нездоровью — обнаружился процесс в легких. Тогда существовал метод лечения — "заливает жиром". Ему нарушили обмен веществ, и он очень быстро полнел. Женя пытался соблюдать диету. Он любил писательский ресторан, подсаживаться к друзьям и знакомым, часами разговаривать. У него была дерматиновая папка на молнии, Таня клала туда морковь, яблоки. Он, посмеиваясь над собой, грыз эту снедь, но иногда не выдерживал — просил у кого-нибудь отрезать кусочек бифштекса.

Набрал околопредельный вес, он в очередной раз ложился в институт питания и сбросил килограммов 30, появлялся в старом костюме, почти стройный. Эти метаморфозы вызвали всеобщее ликование. Но новые костюмы не перешивал, вскоре они опять были ему впору. Мы словно общались с несколькими Винокуровыми.

И Женя с Веснина

Вспоминая Евгения Винокурова

Его любили молодые, особенно начинающие, тянулись в его кружки, объединения, литинститутский семинар. В числе его ученик числится Ахмадулина.

Широко известны его строки: *Художник, воспитай ученика,
Чтоб было у кого потом учиться.*

Думается, ему это не удалось — воспитать такого ученика-учителя. Впрочем, подобно никогда не происходит специально. А действительные ученики любили его, гордились им, восхищались, после занятий дружно провожали до дома.

Но он был одинок. Особенно последние годы жизни. Он вел семинары с самим собой. Посмеиваясь, рассыпал свои афоризмы. Студенты, как правило, их не замечали и потому не могли оценить. Он делал это для себя — заповиновал, записывал. Они не научились его зоркости, лаконичности. Я обнаружил это на институтском вечере памяти Винокурова.

О ЕГО ЕДИНСТВЕННОЙ песне. Стихи Винокурова не поют. Кроме одного. Но это не мы его заметили, а Бернес.

Напечатанное в "Новом мире" стихотворение "Москвичи" начиналось так:

*Там синие просторы
спокойной Сан-реки,
там строгие костелы
остры и высоки.
Лежат в земле,
зеленой
покрытые травой,
Сережка с Малой Бронной
и Витька с Моховой...*

А кончалось: *Где цоколь из фанеры — привал на пять минут!
По-польски пионеры
о подвигах поют.* Бернес, решивший сделать из стихотворения песню, сразу сказал, что первый "куплет" нужно переделать, а последний убрать и вместо него написать другой. "Я скажу — о чем".

При личной встрече поэта и артиста выяснилось, что Винокуров уже сократил стихи. Он продолжал биться над ними и после напечатания. Он не просто освобождался от этих двух строф, — он избавлялся от прежнего мышления, стереотипов, штампов, сдирав с себя ошметки старой кожи. Бернес пришел в восторг, но через несколько дней заявил, что у песни нет конца. То есть у стихотворения он, может быть, есть, но для песни не годится:

*Пылает свод бездонный,
И ночь шумит листвою
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.*

И началось то, что обычно бывает в таких случаях. Разговор на разных языках, непонимание, долгие бесцельные препирательства, ни на чем не основанная надежда, что исполнитель согласится с тобой. Как это мне все знакомо! Наконец поэт сдаётся:

*Но помнит мир спасенный,
Мир вечный, мир живой
Сережку с Малой Бронной
И Витьку с Моховой.*

Но чтобы добиться этого от поэта, какой нужно было обладать силой убеждения, обаяния, аргументацией, уверенностью, что нужно поступить именно так.

Любопытно, что несмотря на успех и широкую известность песни, Винокуров при последующих изданиях стихотворения так и оставил свой вариант. Для него концовка песни выглядела слишком плакатно, прямолинейно, так же, как для Бернеса концовка стихов была чересчур спокойной, статичной. Так они и остались каждый при своем мнении. И песня тоже осталась — одна из лучших песен, появившихся после войны.

Но я не сказал еще о ее мелодии. Откуда появился здесь Андрей Эшпай? Очень просто. Он буквально перед этим писал музыку к фильму "Ночной патруль", где отснялся Бернес, и его работа понравилась артисту. Выбор вообще оказался попаданием в десятку. Эшпай был ровесником Винокурова, воевал поблизости от него, в Польше. Да и жил он на Бронной, только на Большой. Все сходилось, вызвало ответное чувство. А тут еще Бернес со стихами сам приехал к потрясенному композитору в его полуподвал. И Эшпай сочинил трогательную городскую мелодию к явственным для меня отголоском шарманки...

И НАКОНЕЦ. Когда умер Женя, я позвонил вечером нашему институтскому однокашнику, известному прозаику. Повздыхали. И вдруг он попросил меня прочесть по телефону винокуровскую песню. Слушал затаив дыхание, лишь переспросил в конце: "Не помнит мир спасенный?"

Я повторил как есть: "Но помнит мир спасенный".

— Нет, — сказал он грустно, — не помнит! Так точней...
А может, он и прав?

Константин ВАНШЕНКИН